

УДК 94 (571.51)

<https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/12>*Дементьев А.П., Дробченко В.А.***СИБИРСКОЕ КРЕСТЬЯНСТВО В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ:
ШТРИХИ К СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОМУ ПОРТРЕТУ***Dementev A.P., Drobchenko V.A.***SIBERIAN PEASANTRY DURING THE FIRST WORLD WAR AND REVOLUTION:
DETAILS OF A SOCIAL AND POLITICAL PORTRAIT**

Аннотация. В статье представлен анализ социально-политических процессов, происходивших в сибирской деревне в годы I мировой войны и революции 1917 г. Отмечено, что большое влияние на формирование сельского населения края на рубеже XIX–XX вв. оказало переселение из центральных районов страны, а социальная структура сибирской деревни была более сложной, чем в центре, в ней, кроме традиционных, были такие большие социальные группы, как старожилы и переселенцы, которые различались не только по своему имущественному положению, но и ментальности. Отсутствие помещичьего землевладения и выход на российский и мировой рынки после строительства Сибирской магистрали обеспечили интенсивное развитие сельского хозяйства. Этому способствовало и широкое развитие сельской кооперации. Первая мировая война оказала двойственное влияние на сибирское крестьянство. С одной стороны, массовая мобилизация, лишив деревню миллиона рабочих рук, вызвала острый дефицит рабочей силы в деревне, с другой стороны, рост цен на сельскохозяйственную продукцию способствовал обогащению деревни, ускорил ее социальную дифференциацию. Проанализировано отношение крестьянства к ключевым событиям русской революции, реконструирован процесс преобразований в сибирской деревне с марта 1917 по май 1918 гг., показана борьба политических партий за крестьянские массы, исследована деятельность органов сельского самоуправления (комитетов, земств, советов) и крестьянских союзов. Сделан вывод о том, что сибирское крестьянство после свержения самодержавия втягивалось в политические процессы независимо от своего желания, а чаще – вопреки ему. В чехарде сменяющихся властей, занимая выжидательную позицию, оно не участвовало в борьбе противоборствующих сторон и независимо от того, кто бы ни находился у власти, уклонялось от уплаты налогов и выполнения повинностей. Сибирская деревня дольше, чем город оставалась в стороне от социальных катаклизмов. Она не только опиралась на собственные материальные ресурсы, но в условиях ослабления властных вертикалей пыталась найти внутренние регуляторы общественных отношений, включившие в себя такие архаичные формы, как сельские сходы и самосуды. Приоритетным для крестьян оставался материальный интерес, на фоне которого морально-

Abstract. The article presents an analysis of the social and political processes that took place in a Siberian village during the years of World War I and the revolution of 1917. It is noted that migration from the central regions of the country had a great influence on formation of the rural population of the region at the turn of the 19th–20th centuries, and the social structure of a Siberian village was more complex than in the center, in addition to traditional ones, there were such large social groups as old-timers and settlers, who differed not only in their property status, but also in their mentality. The absence of landownership and access to the Russian and world markets after the construction of the Siberian railway ensured the intensive development of agriculture. This was facilitated by the broad development of rural cooperatives. The World War I had a dual effect on Siberian peasantry. On the one hand, mass mobilization, having deprived villages of a million workers caused an acute labor shortage in the countryside, on the other hand, the rise in prices for agricultural products contributed to enrichment of villages and accelerated its social differentiation. The attitude of the peasantry to the key events of the Russian revolution is analyzed. The process of transformations in a Siberian village from March 1917 to May 1918 has been reconstructed. The struggle of political parties for the peasant masses is shown. The activities of rural self-government bodies (committee, zemstvo, council) and peasant unions are studied. It is concluded that the Siberian peasantry, after the overthrow of the autocracy, was drawn into political processes regardless of their desire, and more often in spite of it. In the mess of changing authorities, taking a wait-and-see position, it did not participate in the struggle of the opposing sides and, regardless of whoever was in power, evaded paying taxes and other obligatory contributions. Siberian villages remained aloof from social upheavals longer than the city. It not only relied on its own material resources, but in the conditions of the weakening of power verticals, it tried to find internal regulators of social relations, which included such archaic forms as rural gatherings and lynching. Material interest remained a priority for the peasants, against which moral norms could be subject to significant

нравственные нормы могли подвергаться существенной корректировке. На этих принципах строились отношения с властью и внешним миром в целом. Крестьянство последовательно отстаивало полученную им после свержения самодержавия экономическую независимость от всяких внешних посягательств.

Ключевые слова: Сибирь, крестьянство, переселение, мировая война, революция, земства, советы, хлебная монополия.

Сведения об авторах: Дементьев Александр Петрович, ORCID: 0000-0002-7841-5201, канд. ист. наук, Сибирский федеральный университет, г. Красноярск, Россия, dementjev.ap@yandex.ru; Дробченко Владимир Александрович, ORCID: 0000-0001-9764-378X, д-р ист. наук, г. Томск, Россия, vadrobchenko@yandex.ru

adjustments. Relations with the authorities and the outside world as a whole were built on these principles. The peasantry consistently defended the economic independence that they received after the overthrow of the autocracy from any external encroachment.

Keywords: Siberia, peasantry, resettlement, world war, revolution, zemstvo, councils, grain monopoly.

About the authors: Dementev Aleksandr Petrovich, ORCID: 0000-0002-7841-5201, Ph.D., Siberian Federal University, Krasnoyarsk, Russia, dementjev.ap@yandex.ru; Drobchenko Vladimir Alexandrovich, ORCID: 0000-0001-9764-378X, Dr. habil., Tomsk, Russia, vadrobchenko@yandex.ru

Дементьев А.П., Дробченко В.А. Сибирское крестьянство в годы Первой мировой войне и революции: штрихи к социально-политическому портрету // Вестник Нижневартовского государственного университета. 2022. №2(58). С. 94-106. <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/12>

Dementev, A.P. & Drobchenko, V.A. (2022). Siberian Peasantry During the First World War and Revolution: Details of a Social and Political Portrait. *Bulletin of Nizhnevartovsk State University*, (2(58)), 94-106. (in Russ.). <https://doi.org/10.36906/2311-4444/22-2/12>

К началу XX в. крестьянство было основной социальной группой сибирского населения. Начало его изучения было положено еще дореволюционными исследователями и имело перед собой практические цели, связанные с организацией переселения, налогообложения, статистикой и т.п.

Советские историки, изучая крестьянство в рамках господствующей парадигмы, использовали классовый подход, делая акцент на социальной неоднородности крестьянства, его бедственном положении при царизме, его революционной активности. При изучении периода революции во главу угла ставились вопросы союза крестьянства с рабочим классом, советизации деревни и борьбы за установление Советской власти в крае. Все это не позволило советским историкам всесторонне раскрыть и объективно показать сложность и трагизм процессов, происходивших в сибирской деревне.

Современные исследователи в основном сосредоточили свое внимание на тех вопросах, которые ранее либо вообще не изучались, либо освещались поверхностно и искаженно (местное самоуправление, кооперация, казачество). Слабо изученными остаются такие вопросы, как внутренняя жизнь сибирской деревни в период социальных катаклизмов, эволюция взглядов крестьянства на различных этапах революции, антибольшевистское сопротивление весной 1918 г. В данной статье авторы пытаются хотя бы частично заполнить имеющиеся лакуны.

На протяжении трех столетий это сословие формировалось за счет переселенцев, беглых и ссыльных. Отмена крепостного права положила начало массовому переселению крестьян в Сибирь. По данным Л.М. Горюшкина, с 1897 по 1914 гг. сельское население края выросло с 5,3 до 9,2 млн. человек. Около 2/3 прироста обеспечили крестьяне-переселенцы [1, с. 134, 136].

Развитие капиталистических отношений в сельском хозяйстве Сибири шло более быстрыми темпами, чем в центре страны. У сибирского крестьянства было больше возможностей вести свое хозяйство по фермерскому пути. Уже к концу XIX в. Сибирь превратилась в одного из крупнейших в стране производителей сельхозпродукции, которая в 1913 г. дала 2/3 стоимости продукции края, а промышленность – только четверть [2, с. 44-45].

Удельный вес бедноты в сибирской деревне был значительно ниже, а середняков и сельской буржуазии – выше, чем в Европейской России. По данным Л.М. Горюшкина, в среднем по Сибири беднота составляла 45-50 %, середняки – 30-35 %, кулаки – 15-20 %. [3, с. 16]. Но, социальная структура сибирского крестьянства была более сложной, чем в центральных регионах и была

связана с наличием двух групп – старожилов и переселенцев. По подсчетам Л.М. Горюшкина, в 1914 г. старожилы составляли 29,2 %, переселенцы – 48,9 %, казаки – 3,4 % и аборигены – 18,5 % сельского населения края. А с учетом только русского крестьянства удельный вес переселенцев был равен 62 % сельских жителей [3, с. 15]. Соотношение социальных групп крестьянства было неодинаково в различных районах края. При этом, переселенцы были более революционно настроены, нежели старожилы [4].

Историки Д.Я. Резун и М.В. Шиловский, отмечали, что крестьянство было «социумом устойчивым, жизнестойким и консервативным» [5, с. 175]. Крестьяне вели размеренный образ жизни, определенный сезонностью сельскохозяйственных работ. Психологический склад крестьянства проявлялся в привычках, традициях, жизненных устоях. Постоянное и близкое соседское общение в селах и деревнях формировало определенные нравственные требования, оказывало воспитательное воздействие. Многие из деревенских обычаев отражали уровень правовой культуры общества. В жизни деревни переплетались черты нового и старые, сохраненные многими поколениями устои, взгляды, отношения [6, с. 29-30].

Привычный уклад крестьянской жизни был нарушен с началом первой мировой войны. Только в Западной Сибири в ходе мобилизационных кампаний 1914 г. было призвано около 250 тысяч человек [7, с. 17]. Было призвано 53,6 % трудоспособных мужчин на Алтае, 38,8 % в Енисейской, 51,8 % в Тобольской, 51,5 % в Томской, 49,5 % в Иркутской губерниях, 60,6 % в Акмолинской и 54,8 % в Забайкальской областях [8, с. 120; 9, с. 80]. «Во многих хозяйствах остались только женщины», – сообщалось с Алтая [10, с. 6].

Известие о свержении самодержавия крестьяне встретили с недоверием, даже с опаской. Многие и мысли не допускали о том, что «батюшку-царя» можно было лишить царского звания и даже арестовать его» [11, с. 2]. Тревога и беспокойство проявились в связи с возможным нарушением привычного уклада жизни. «Настроение крестьян скорее выжидательное», – сообщалось из села Верх-Пача Томского уезда [12, с. 4]. На митинге в селе Верх-Жилинское Барнаульского уезда крестьяне выслушали весть о свержении самодержавия «с напряженным вниманием» [13, с. 3].

Реакция крестьян была неоднозначна. Где-то прошли сельские сходы, богослужения в честь свершившихся событий, в адрес Временного правительства направлялись приветственные телеграммы. Крестьяне Киренской волости Иркутской губернии в такой телеграмме потребовали издания справедливых земельных законов и облегчения податного бремени. В селе Юрьевское Тюкалинского уезда Тобольской губернии волостной сход единодушно высказался за передачу земли в руки крестьян, немедленную реквизицию «капиталов монастырей на нужды России», демократическую республику, введение единого подоходно-прогрессивного налога, уменьшение продолжительности рабочего дня на предприятиях, увеличение заработной платы рабочим [14, с. 125, 131].

В ряде мест крестьянами была разоружена полиция и лесная стража, произведены аресты чинов сельской администрации, имели место нападения на лесничества, начались массовые порубки казенного леса. В селе Баженовское Тюкалинского уезда Тобольской губернии, селах Истоминское и Калмакское Ишимского уезда той же губернии были разгромлены лавки торговцев [14, с. 123, 124, 128]. С конца весны участились случаи захвата казенных и церковных земель, разграбления имущества крупных землевладельцев и арендаторов.

Уже в первые дни марта 1917 г. в губернских и уездных центрах были созданы органы новой власти – различные комитеты, получившие общее название «комитеты общественной безопасности» (КОБы). Для обеспечения порядка КОБаи создавалась милиция. В уездных КОБах, как правило, формировался штат инструкторов для работы в деревне. С их помощью, а также ссыльных, кооператоров, местных чиновников, представителей политических партий началось создание сельских комитетов, хотя известно немало случаев создания комитетов и самими крестьянами.

Крестьяне активно включились в создание органов самоуправления, с деятельностью которых связывали надежды на снижение налогового бремени, ограничение произвола чиновников, улучшение условий хозяйствования. Так во всех селениях Вновь-Стрельниковской волости Кузнецкого уезда комитеты были созданы в первую декаду марта [15, с. 3]. В Минусинском уезде к 22 апреля комитеты действовали в 67 % волостей [16, с. 3]. К маю такие комитеты были созданы почти во всех селениях за исключением лишь самых глухих углов.

Но комитеты, хотя и взяли в руки бразды правления на местах, не смогли создать полноценной вертикали власти. Одной из причин этого было то, что пришедшая к власти коалиция во главе с эсерами и меньшевиками явно переоценила творческий потенциал масс, их способность к самоорганизации и обеспечению правопорядка. Реализация лозунга «народоправства» нередко принимала извращенные формы. Особенно ярко это проявилось в деятельности низовых структур.

В сельские комитеты часто выбирали тех, кто согласен был «на меньший оклад жалования». Далеко не всегда в их составе оказывались лучшие представители деревни. Такие «народные избранники» часто использовали власть в корыстных целях, пьянствовали, покровительствовали самогонщикам, а то и сами занимались самогонованием. Нередко сельские комитеты вынуждены были идти на поводу местного социума, чтобы сохранить хотя бы формальное руководство. В решениях, принимаемых на местах, проявлялось желание оградить сельский мир от вмешательства «чужаков». Известны случаи, когда крестьянские комитеты разгоняли лесную стражу, запрещали заготовку и продажу леса в лесничествах без их ведома. Подобные решения оправдывались принципом «воля народа – закон», который был основан на своеобразном понимании свободы, наступившей после революции. Им обосновывались захватные действия, отказ от уплаты налогов и выполнения повинностей.

Важную роль в организации деревни сыграли крестьянские съезды. Они, как отмечал Э.И. Черняк, в сознании крестьян являлись бесспорными и авторитетными органами местной власти, а принимаемые ими решения воспринимались как законные и обязательные для исполнения [17, с. 149]. Делегаты съездов отражали настроения и чаяния масс, воплощая их в принимаемые решения и резолюции. Съезды становились связующим звеном между крестьянством и властью, содействовали политическому просвещению и организации крестьянства, способствовали росту его активности.

Уже в марте состоялись уездные крестьянские съезды в Енисейске, Ишиме, Каинске, Канске, Томске, Тюмени, Ялуторовске. Всего же в марте – октябре 1917 г. состоялось до 90 крестьянских съездов, из них: 10 – в Акмолинской области, 27 – в Тобольской губернии, 9 – в Алтайской, 17 – в Томской, 14 – в Енисейской, 10 – в Иркутской и 3 – в Забайкальской области. В Забайкальской области съезды именовались «съезды сельского населения».

Весной 1917 г. на крестьянских съездах обсуждались вопросы о войне и мире, земле, государственном устройстве, местном самоуправлении, обсуждались актуальные для крестьян проблемы. I Западно-Сибирский съезд крестьянских депутатов (Омск, 25-31 марта 1917 г.) в резолюции по земельному вопросу высказался за отмену частной земельной собственности и перехода земли в пользование всему народу на уравнительных трудовых началах [18, с. 9].

Резолюции крестьянских съездов во многом перекликались с программой эсеров. Это было связано как с тем, что эсеры вели активную работу в деревне, так и с тем, что эсеровские лозунги о земле и собственности отвечали чаяниям крестьянства и обеспечивали эсерам поддержку в крестьянских массах. Не маловажную роль играло и то, что эсеры выступали организаторами крестьянских съездов, формировали повестку, руководили их работой, выступали докладчиками по основным вопросам, готовили тексты резолюций.

С начала марта эсеры развернули агитационную кампанию в деревне, вербуя в свои ряды всех желающих. Так 8 марта в ПСР записалось 37 крестьян Прудского и Анастасиевского обществ Алексеевской волости Томского уезда. 12 марта Крутологовское волостное собрание Мариинского уезда постановило присоединиться к ПСР и «действовать с ними заедино» [19, с. 4].

Основные усилия в деревне эсеры направили на создание крестьянских союзов. По данным В.Г. Зыковой, наиболее интенсивно их создание происходило в Курганском и Ишимском уездах Тобольской губернии, Мариинском, Томском, Каменском и Кузнецком уездах Томской губернии, Иркутском, Нижнеудинском, Балаганском и Киренском уездах Иркутской губернии [20, с. 85]. Крестьянские союзы стали самыми массовыми крестьянскими организациями в Сибири. На съезде крестьянских депутатов Томской губернии в сентябре 1917 г. делегат Мариинского уезда В.Н. Махов сообщил, что в уезде действует 119 крестьянских союзов, объединяющих до 6000 членов [21, с. 5]. Однако следует учитывать, что большинство низовых организаций бездействовало.

Параллельно с крестьянскими союзами под патронажем эсеров шло создание советов крестьянских депутатов. Они формировались как органы народного представительства. Впрочем, возникали и иные комбинации. Так Канский уездный крестьянский съезд в апреле 1917 г. постановил избрать из своей среды бюро Крестьянского союза Канского уезда и поручить ему созвать таковой же орган в других уездах губернии. Устанавливая порядок административного устройства села, волости и уезда съезд постановил переименовать комитеты общественной безопасности в советы крестьян [22, д. 10. л. 2].

Следует отметить, что к осени в крестьянской массе стало нарастать негативное отношение и к низовым органам самоуправления. Многочисленные выборы и перевыборы, непрерывно проходившие в сибирской деревне весной – летом 1917 г., так и не привели к созданию эффективной модели управления. К осени энтузиазм первых революционных месяцев был во многом утрачен. Сибирскому крестьянину «туго прививается идея самоуправления, и он не верит, что с помощью земства может быть улучшено его положение», – указывалось в эсеровской газете «Путь народа» [24, с. 2].

Выборы в земство, проходившие в Сибири в начале осени 1917 г., продемонстрировали полное равнодушие к ним со стороны крестьянства. Редактор журнала «Сибирские записки» В.М. Крутовский отмечал, что «выборы в Сибири прошли с большим опозданием и очень вяло», «абсентеизм был значительный и едва ли 35 % избирателей выполнило свой гражданский долг» [25, с. 59–61]. В селе Баранульском Дубинском волости Алтайской губернии в выборах гласных волостного земства участвовало 202 из 1500 избирателей (13,4%), во всей Сростенской волости Бийского уезда – всего 123 избирателя, на избирательные участки 3-го Осиновского округа (Новониколаевский уезд) в день выборов явилось около 10 избирателей [26, с. 107].

По данным Е.Н. Бабиковой, в Сибири к моменту ликвидации местных самоуправлений было создано не более половины положенных по расписанию волостных земств. В Иркутской губернии – 13, в Забайкальской области – 19, в Енисейской губернии – 42, в Тобольской – 18 из 31, в Каменском и Мариинском уездах – менее половины [26, с. 107].

Таким образом, к осени 1917 г. эффективный механизм управления деревней не был создан. Надежды пришедшей к власти в стране и регионах демократической коалиции на самоорганизацию и самоуправление крестьянства оказалась бесплодна. Одной из основных причин этого был низкий уровень правовой и политической культуры крестьянства. О темноте и невежестве деревни сообщалось в многочисленных публикациях с мест. Из Тобольского уезда писали, что население очень плохо разбирается в текущих событиях и «вообще бродит в темноте» [27, с. 3]. «Низы деревни мало отзываются на происходящие события», – сообщалось из Мариинского уезда [28, с. 8].

После слома старой вертикали власти были утрачены и рычаги воздействия на деревню. Формально деревня была включена в демократическую модель управления, но фактически оказалась предоставлена сама себе. Крестьянство, выйдя из-под жесткого властного контроля и быстро убедившись в слабости действующих властных институтов, попросту стало отказываться от уплаты налогов и выполнения повинностей. В Томской губернии только за март – май 1917 г. сбор налогов сократился на 42 %, по сравнению с аналогичным периодом 1916 г. За апрель – июнь погашение ссудных долгов переселенцами составило по Томскому уезду 0,9 %, по Кузнецкому – 1,7 %, по Каинскому – 0,1 %, по Мариинскому – 0,003 % [23, с. 3; 29, с. 3].

Бессилие властей в вопросах наведения порядка вело к тому, что правосудие крестьяне стали вершить сами. Своеобразной формой регулирования отношений стали самосуды, которые проявлялись не только в действиях толпы, но и нередко облекались в форму решений сельских сходов. Томский губернский комиссар Б.М. Ган в июле 1917 г. сообщал в Главное управление по делам милиции о том, что самосуды в деревнях происходят «на почве недоверия назначенным судьям» [30, л. 61]. А.П. Шекшеев, посвятивший самосудам в Енисейской губернии специальную статью [31], отмечал, что еще в дореволюционное время в Сибири, где официальная власть являлась слабой, осуществление самосудов для деревенской повседневности было нормой, не частым, но обыденным явлением», «революционные события 1917 г. породили хаос в людских отношениях, борьбу за власть и волну уголовной преступности, которая кое-где была встречена ответной крестьянской жестокостью» [31, с. 177–178].

Сельский социум, пытаясь сохранить свой деревенский мир, не принимал то, что крестьянам было непонятно, то, что нарушало привычный уклад. Усиливалось негативное отношение к носителям чуждой крестьянству культуры. Во многом утратила былой авторитет сельская интеллигенция, представители которой (за редким исключением) вообще не включались в выборные крестьянские организации. В Красноярском уезде при составлении списков кандидатов в уездное земство «крестьяне проявили отрицательное отношение, как к партиям, так и к интеллигенции» [32, с. 3]. Одновременно стала нарастать внутренняя конфликтность: усилились противоречия между переселенцами и старожилами, сельской беднотой и зажиточными крестьянами. В селе Романовка Кузнецкого уезда зажиточные крестьяне отказались делиться семенами с беднотой, заявив, что это – лентяи, не хотевшие летом работать [33, с. 4].

Своеобразно складывались отношения между деревней и городом. Нарушение равноценного товарообмена и нарастающая инфляция вели к тому, что крестьяне не торопились с продажей зерна, а часть излишков пускали на производство самогона. Винокурение было экономически выгодно. А.П. Шекшеев отмечал, что весной 1917 г. каждый пуд хлеба при перегонке на самогон давал 30 рублей прибыли [34, с. 120]. По данным томской газеты «Голос свободы», только в Мариинском уезде за 1917 г. на производство самогонки было истрачено до 1 млн. пудов хлеба [37, с. 3].

Винокурением занимались целыми селами и волостями. В селе Верх-Майзасское Каинского уезда в мае 1917 г. действовало около 20 винокуренных заводов. Собственными винокуренными заводами обзавелись члены выборной милиции [35, с. 2]. На уездных и губернских съездах часто принимались резолюции о борьбе с винокурением, сельские и волостные сходы вводили штрафные санкции за винокурение и пьянство, но все это не давало должного результата.

Большую роль в политическом просвещении деревни, а также во внесении в ее жизнь деструктивных элементов, сыграли солдаты. Если весной 1917 г. это были отпускники, раненные, дезертиры, то с лета к ним прибавились направленные на полевые работы. К концу года этот поток заметно вырос за счет полной демобилизации. Повсеместно солдаты занимались винокурением, продажей самогона, пьянствовали, устраивали дебоши, драки, погромы. Нередко они проявляли демонстративное неуважение к власти, разлагающе действовали на крестьян.

К осени 1917 г. характерной чертой сибирской деревни стала эскалация не только внешнего, но и внутреннего насилия. Морально-нравственные регуляторы жизни сельского социума все больше подвергались деформации и разрушению. Однако, несмотря на падение нравов, сибирское крестьянство не забывало о своем основном занятии – хлебопашестве. По данным Л.И. Боженко, в Сибири в отличие от центральных губерний производство зерна продолжало расти и в годы войны. Если в целом по стране в 1917 г. производство зерна продолжало сокращаться, составляя примерно 86 % довоенных 1909-1913 гг. сборов, то удельный вес Сибири в общем валовом сборе хлебов по стране был в два с лишним раза выше в сравнении с довоенным временем [36, с. 126].

Успешно развивались рыболовство, пчеловодство, переработка молочной продукции. Деревня, обеспечивая себя продовольствием, в основном сохраняла довоенный уровень потребления. А.В. Адрианов в конце 1916 г. отмечал, что у енисейских крестьян, кроме хлеба и чая,

ежедневно в потреблении было мясо, молоко и масло [38]. Конечно, уровень потребления деревенской бедноты существенно отличался от уровня потребления середняков и зажиточных крестьян. Но к осени 1917 г. продовольственный кризис, охвативший крупные города и рабочие поселки, не затронул деревню и мало был заметен в уездных центрах сельскохозяйственных уездов.

Крестьянство равнодушно отнеслось к Октябрьскому перевороту. Отдельные резолюции, как в его поддержку, так и с осуждением, принимались под влиянием заезжих агитаторов. Крестьянский съезд представителей пяти волостей Красноярского уезда 29 октября 1917 г. заявил о признании и поддержке власти советов [39, с. 150]. А сельское собрание поселка Троицкий Мариинского уезда в начале ноября осудило захват власти большевиками и выразило готовность всеми силами поддержать Временное правительство [41, с. 335].

В середине ноября 1917 г. в Сибири проходили выборы в Учредительное собрание. Явка была относительно высокой. В Тобольской губернии проголосовало свыше 50 % избирателей, в Алтайской – 79,5 %, в Томской – 83,7 % [40, с. 389]. Убедительную победу одержали эсеры, набравшие 75 % голосов. За большевиков отдали голоса 8,6 % избирателей [40, с. 389]. Однако по губернским и областным центрам расклад был иной. В Омске, Барнауле, Красноярске лидировали большевики, в Иркутске и Чите – эсеры. В сельской местности эсеры лидировали с огромным отрывом. Так в Томской губернии в Новониколаевском уезде они набрали 95,3 % голосов, в Каинском – 91,2 %, в Кузнецком – 90,8 %, в Мариинском – 88,6 %, в Томском – 73,6 %, в Тогурском – 64,6 % [41, с. 218].

Большевистское руководство противопоставило Учредительному собранию «истинно народную» власть советов. III Всероссийский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, проходивший в Петрограде с 10 по 18 января, одобрил разгон Учредительного собрания и закрепил переход власти к советам.

Ситуация в сибирских регионах на рубеже 1917-1918 гг. заметно различалась. В декабре в Иркутске шли бои между красногвардейцами и юнкерами, в Томске вопрос о власти решался в ходе затянувшихся переговоров между большевистским советом рабочих и солдатских депутатов и эсеровским советом крестьянских депутатов. В Красноярске, где совет взял власть в свои руки в начале ноября 1917 г., в декабре уже развернулась агитационная работа в деревне. Пробольшевистский Красноярский уездный совет крестьянских депутатов направил в волости инструкторов для выборов сельских комитетов и организации красной гвардии [42, с. 30].

В декабре 1917 г. в поддержку Советской власти высказались Ачинский, Каменский, Барнаульский, Красноярский, Курганский, Славгородский, Тюкалинский, в январе 1918 г. – Енисейский, Новониколаевский, Тюменский, в феврале – Ишимский, Каинский, Татарский, в марте – Кузнецкий, Мариинский, Томский, уездные съезды крестьянских депутатов. Большевики на этих съездах опирались на солдат-фронтовиков и сельскую бедноту.

Сибирские большевики придавали проведению таких съездов большое значение. Признание на съездах Советской власти, по их мнению, делало ее не только легитимной в глазах крестьян, включало сельские советы в систему властных отношений, наделяя их определенными полномочиями, а также обеспечивало управление сельским населением.

Абсолютное большинство крестьян разницы между земствами и советами не видело. Делегат от Корниловской волости Ачинского уезда на Енисейском губернском съезде советов (Красноярск, 1-13 марта 1918 г.) прямо заявил, что крестьяне «плохо уяснили разницу между этими органами» [43, с. 2]. Крестьяне с легкостью меняли наименование своих властных структур. Как отмечал В.П. Булдаков, «масса оставалась безразлична к институтам, ее волновали результаты, а не формы властвования» [44, с. 176]. Процесс перехода власти к советам в деревне не встречал противодействия до тех пор, пока не стали затрагиваться материальные интересы крестьян.

Советизация сибирской деревни к лету 1918 г. даже формально не была завершена. В Томской и Енисейской губерниях к этому времени советы крестьянских депутатов были созданы лишь в 70 % волостей. Еще меньше были масштабы советского строительства на уровне села. Так в апреле

1918 г. в Маклаковской волости Енисейского уезда сельские советы имелись только в 9 из 25 селений [45, с. 185; 46, с. 104].

С конца осени 1917 г. большевики усилили работу в деревне. С помощью инструкторов создавались комитеты бедноты, а при советах – отряды красной гвардии. Красногвардейские отряды были созданы лишь в отдельных селах. Формирование сельских красногвардейских отрядов не стало массовым явлением. У нас имеются сведения о 26 сельских отрядах Томской губернии: 9 – в Кузнецком уезде, 5 – в Мариинском, 2 – в Новониколаевском, 9 – в Томском, 1 – в Нарымском крае. Созданные отряды были малочисленны (10-30 человек), плохо вооружены, существенной роли в укреплении Советской власти в регионе не сыграли. Отношение большинства крестьян к советам и красной гвардии было отрицательным. В мае 1918 г. в селах Брюханово Щегловского уезда и Поломошное Томского уезда крестьяне попытались разогнать местные красногвардейские отряды.

Создание комитетов бедноты было направлено на раскол деревни. Так в селе Коурак Новониколаевского уезда, созданный в марте 1918 г. комбед поставил перед собой задачи бороться за интересы трудового крестьянства, защищать его от посягательств имущих классов, содействовать советам в проведении в жизнь твердых цен на продукты и реквизиции укрываемых продуктов [47, с. 267].

Большевистское руководство рассматривало Сибирь, прежде всего, как хлебную житницу, способную обеспечить продовольствием центральные районы страны. III Западно-сибирский областной съезд советов рабочих и солдатских депутатов (Омск, 2-10 декабря 1917 г.), провозгласивший Советскую власть в крае потребовал незыблемости хлебной монополии и твердых цен на хлеб. В начале января 1918 г. Чрезвычайный краевой продовольственно-экономический съезд Западной Сибири и Урала (Омск, 4-8 января 1918 г.) потребовал радикальных мер для проведения в жизнь хлебной монополии [18, с. 147-167].

Первые реквизиции хлеба у крестьян стали проводиться по инициативе советов рабочих поселков, населению которых реально угрожал голод. С конца 1917 г. Судженский, Анжерский, Кольчугинский советы направляли в окрестные села красногвардейские отряды для реквизиций хлеба. В дальнейшем большевистское руководство Сибири принимало жесткие меры для проведения хлебозаготовок. Один из руководителей Западно-Сибирского краевого продовольственного комитета Б.И. Монастырский отмечал, что за месяц работы продорганами только из Ялуторовского и Ишимского уездов было вывезено до 2 млн. пудов зерна. В декабре 1917 г. в центр было отправлено 889 тысяч пудов, в январе 1918 г. – 557 тысяч пудов, в феврале – 1867 тысяч пудов, в марте – 3309 тысяч пудов, не считая сверхплановых поставок. Средняя погрузка зерна была доведена до 150 тысяч пудов в день. За 4 месяца в Советскую Россию отправлено 6,5 млн. пудов хлеба. Наряды на Москву и Петроград были выполнены в размере 120 % – 200 %. [48, с. 73-74].

Крестьянство активно сопротивлялось проведению изъятия хлеба. В начале 1918 г. выступление против хлебозаготовок произошло в Петропавловском уезде. В районе Новониколаевска были случаи захвата и увоза крестьянами ранее подвезенного к станциям и сданного на ссыпные пункты хлеба [49, с. 150, 152]. На Алтае в селе Гоньба крестьяне не допустили членов комиссии к своим амбарам, в селе Верх-Жилинском отказались сдавать хлеб и разделили его между собой. Выступления крестьян произошли в Чарышской волости Змеиногорского уезда и селе Зеркальском Барнаульского уезда [50, с. 134-135].

В феврале – апреле 1918 г. антисоветские выступления произошли в Барнаульском, Бийском, Канском, Кузнецком, Славгородском, Ялуторовском уездах, Шалинской волости Красноярского уезда, Голуметской волости Иркутской губернии, Пятковской волости Тобольской губернии. С конца марта до середины мая продолжалось восстание в Нарымском крае, причиной которого стала конфискация хлеба и скота у местного населения. Восставшими были арестованы комиссар края большевик А.В. Шишков и руководители Колпашевского совдепа, создан комитет защиты земства,

в Парабели захвачены хлебозапасные магазины, хлеб роздан населению [51, с. 4; 52, с. 235-241]. Все эти восстания подавлялись красногвардейцами, руководители и активные участники арестовывались, на население восставших местностей накладывалась контрибуция.

Крестьяне саботировали не только хлебозаготовки, но и выплату налогов и погашение недоимок. На Енисейском губернском съезде советов в начале марта 1918 г. сообщалось, что в Красноярском уезде «податные сборы почти не поступают» [22, д. 29. л. 46]. Съезд, указав на то, что недоимки с сельского населения за 1916 г. и 1917 г. составляют около 2 млн. рублей, постановил поручить волостным и сельским комитетам немедленно принять все меры ко взысканию недоимок [39, с. 169-170]. Однако крестьяне, уверенные в том, что революция их полностью освободила от уплаты любых налогов, встретили данную меру с негодованием. Так, 10 марта общее собрание граждан села Замятинского Заледеевской волости Красноярского уезда постановило: «Ввиду того, что раскладка на 1917 г. производилась старым императорским правительством – общество отказывается категорически платить сборы» [22, д. 29. л. 46].

Натиск на крестьянство усилился в связи с введением продовольственной диктатуры в мае 1918 г. 7 мая исполком Енисейского губернского совета, одоблив проведение реквизиции семенного хлеба для нужд Красноярского уезда, рекомендовал в случае сопротивления посылать вооруженные силы [53, с. 444]. Западно-сибирский краевой съезд РКП(б), проходивший в Омске 21-25 мая 1918 г., обсудил продовольственный, поддержал введение продовольственной диктатуры и постановил создать реквизиционные отделы при советах и «ввести строгие кары на самогонщиков вплоть до расстрела» [18, с. 240-242].

Советы, функции которых во многом были направлены на изъятие продовольствия, фуража и взыскание недоимок, поддержкой у крестьян не пользовались. В большинстве случаев постановления советов игнорировались. По подсчетам Ю.В. Журова, в Енисейской губернии только около 10 волостных советов сумели «провести» хлебную монополию [54, с. 10].

Имели место случаи, когда крестьяне отказывались от советов. В марте 1918 г. крестьяне Заледеевской волости заявили, что «им не надо ни советов, ни красной гвардии» [43, с. 4]. На заседании Красноярского уездного совета крестьянских депутатов 15 апреля делегат от Шалинской волости заявил, что они «не признают власти советов и требуют немедленного созыва Учредительного собрания, как правомочного хозяина российской республики» [22, д. 4. л. 2].

Подводя итоги, можно констатировать, что сибирское крестьянство после свержения самодержавия втягивалось в политические процессы независимо от своего желания, а чаще – вопреки ему. В чехарде сменяющихся властей, занимая выжидательную позицию, оно не участвовало в борьбе противоборствующих сторон и независимо от того, кто бы ни находился у власти, уклонялось от уплаты налогов и выполнения повинностей.

Свержение самодержавия крестьянство встретило насторожено, заняв выжидательную позицию. Реакция крестьян на происходящие события была не однозначна, но четко проявилась тенденция устранения лиц и институтов, ограничивающих свободное хозяйствование.

Одной из основных форм крестьянского волеизъявления стали крестьянские съезды, во многом унаследовавшие традиции сельских сходо́в. Новая власть в сибирской деревне, установившаяся весной 1917 г., была представлена сельскими и волостными комитетами, которые не смогли эффективно выполнять возложенные на них функции. Разрушение старой вертикали власти и ослабление силового давления на деревню привело к тому, что в глазах крестьянства власть утратила свой сакральный облик, а ее требования перестали восприниматься как обязательные к исполнению. Результатом этого стало прекращение уплаты налогов, возврата ссуд, отказ от исполнения повинностей.

Нарушение экономических связей между городом и деревней, отсутствие равноценного товарообмена вело к ускорению инфляции, дороговизне. Излишки зерна, скопившиеся в деревне, частично шли на производство самогона, которое приносило хороший доход. Самогоноварение приобретало все более массовый характер. Аморфность власти вела к тому, что регулятором

отношений в деревне все чаще становились самосуды. При этом, деревня, в отличие от города, не испытывала нужды в продуктах, хотя положение деревенской бедноты было довольно тяжелым.

В борьбе политических партий, развернувшейся после свержения самодержавия, крестьянство рассматривалось как внушительная сила, способная влиять на развитие политических процессов. С весны 1917 г. сибирская деревня стала вотчиной эсеров, которые внесли весомый вклад в ее политическое просвещение. С их помощью созывались и проводились крестьянские съезды, создавались комитеты, советы, крестьянские союзы, земские органы. На выборах в Учредительное собрание они добились существенных результатов – сибирское крестьянство единодушно их поддержало, поскольку эсеровская программа отражала его интересы. Но, эта тактика эсеров была эффективна в рамках демократической системы и оказалась совершенно бесполезна при переходе к силовому противостоянию после Октябрьского переворота.

Всплеск политической активности крестьянства, проявившийся весной 1917 г. быстро пошел на спад. Крестьянские организации (союзы, советы) в большинстве своем никакой работы не вели, органы местного самоуправления воспринимались как некие декоративные властные суррогаты, не обладающие полнотой власти, которая на низовом уровне принадлежала сельским и волостным сходам. Поэтому с легкостью комитеты заменялись земствами, а те – советами. Конфигурация власти не интересовала крестьян, для них были важны конкретные результаты,

Переход власти к советам сибирскими крестьянами был встречен равнодушно. В борьбе за власть, развернувшейся в Сибири на рубеже 1917–1918 гг. крестьянство выступало в роли пассивного наблюдателя, особо не вникая в происходящие события. Легитимизация Советской власти через крестьянские съезды на практике не привела к наделению низовых советов всей полнотой властных полномочий, но и не вызывала их отторжения до тех пор, пока эти советы не стали превращаться в орудие большевистской диктатуры для выкачивания продовольствия из деревни.

Крестьянство дружно саботировало хлебозаготовки, а ответом на насильственные реквизиции стали вспышки крестьянских выступлений, очаги которых были разбросаны по всем хлебоборodным районам Сибири. К началу чехословацкого мятежа в конце мая 1918 г. сибирское крестьянство в основном было враждебно настроено к Советской власти, но к массовому выступлению против нее не было готово.

Литература

1. Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1976. 343 с.
2. Зиновьев В.П. Индустриальные кадры старой Сибири. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 256 с.
3. Горюшкин Л.М. Крестьянское движение в Сибири в 1917 году: Спецкурс для студентов-историков гуманитарного факультета. Новосибирск: Б.и., 1975. 160 с.
4. Нагнибеда В.Я. Делегаты Томского губернского народного собрания // Голос свободы. Томск, 1917. 13 мая.
5. Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Сова, 2005. 196 с.
6. Якимова Т.В. Формирование политических настроений крестьянства Западной Сибири в 1917 г. // 60 лет Великого Октября и Сибирь. Томск, 1979. С. 29–33.
7. Западная Сибирь в мировых войнах XX века: монография: в 2 кн. / Ю.П. Горелов, О.В. Гусева, И.А. Еремин, Н.Д. Ростов. Барнаул: Алтайский Дом печати, 2014. Кн. 1. Западная Сибирь в Первой мировой войне. 238 с.
8. Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 1. Париж, 1939. 210 с.
9. Шиловский М.В. Первая мировая война 1914–1918 годов и Сибирь. Новосибирск: Автограф, 2015. 330 с.
10. К кооперативам // Алтайский крестьянин. Барнаул, 1914. №35.
11. По губернии // Утро Сибири. Томск, 1917. 19 марта.
12. Корреспонденция // Крестьянский союз. Томск, 1917. 23 апреля.
13. Жизнь Алтая. Барнаул, 1917. 30 марта.
14. Горюшкин Л.М., Ноздрин Г.А., Сагайдачный А.Н. Крестьянское движение в Сибири 1914–1917 г.: Хроника и историография. Новосибирск: Наука, 1987. 241 с.

15. Корреспонденции // Крестьянский союз. Томск, 1917. 7 мая.
16. Бюллетень Минусинского комитета общественной безопасности // Свобода и труд. Минусинск, 1917. 26 апреля.
17. Черняк Э.И. Революция в Сибири: съезды, конференции и совещания общественных объединений и организаций (март 1917 – ноябрь 1918 года). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. 238
18. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Акмолинской области (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / Сост. Т.В. Якимова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991–1992. Ч. 1–2. 345 с.
19. Наша жизнь // Земля и воля. Новониколаевск, 1917. 18 марта.
20. Зыкова В.Г. Крестьянские союзы в Сибири в 1917 г. // Из истории социалистического строительства в Сибири. Томск, 1984. С. 79–97.
21. Губернский съезд крестьянских депутатов Томской губернии, состоявшийся в Томске 14–22 сент. 1917 г. [Томск, 1917]. 62 с.
22. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. Р-258. Оп. 1. Д. 10; Ф. Р-817. Оп. 1. Д. 29; Ф. Р-893. Оп. 2. Д. 4.
23. По Сибири // Наш голос. Красноярск, 1917. 25 июля.
24. Будите деревню (К введению земства в Сибири) // Путь народа. Томск, 1917. 20 августа.
25. Крутовский В.К. Областное обозрение // Сибирские записки. Красноярск, 1918. № 1. С. 55–64..
26. Бабилова Е.Н. Сибирское крестьянство и выборы в земство в 1917 г. // Из истории социально-экономической и политической жизни Сибири. Томск, 1980. С. 98–116.
27. По Сибири // Крестьянская газета. Тобольск, 1917. 30 марта.
28. Ионов Д. Из деревни // Народные мысли. Мариинск, 1917. № 1–2.30. Наш голос. Красноярск, 1917. 25 июля.
29. К взысканию с переселенческого населения ссудных долгов // Голос свободы. Томск, 1917. 18 октября.
30. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 1791. Оп. 2. Д. 241.33. Шекшеев А.П. Самосуды в енисейской деревне (1917–1920-е гг.) // Сибирский этнос: культура, традиции, ментальность. Красноярск, 2010. С. 176–193.
31. Шекшеев А.П. Самосуды в енисейской деревне (1917–1920-е гг.) // Сибирский этнос: культура, традиции, ментальность. Красноярск, 2010. С. 176–193.
32. Земская кампания // Знамя труда. Красноярск, 1917. 21 сентября.
33. В Романовской волости // Корреспонденции // Крестьянский союз. Томск, 1917. 7 мая.
34. Шекшеев А.П. Самогоноварение, потребление алкоголя и борьба с ними в енисейской деревне (1917–1930 гг.). Ч. 1 // Известия Лаборатории древних технологий. 2016. № 3 (20). С. 119–134.
35. По свободной Сибири // Сибирская жизнь. Томск, 1917. 16 июля.
36. Боженко Л.И. О продовольственном положении в Западной Сибири накануне социалистической революции // Проблемы истории Октябрьской революции и Гражданской войны в СССР. Томск, 1975. С. 122–137.
37. Голод и... самогонка // Голос свободы. Томск, 1917. 11 дек.
38. Адрианов А.В. Из Урянхайского края в Томск: (Путевые впечатления) // Сибирская жизнь. Томск. 1917. 15, 18 янв.
39. Съезды, конференции и совещания социально-классовых, политических, религиозных, национальных организаций в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.) / Сост. Е.Н. Косых. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1991. 219 с.
40. Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3: С–Я. Новосибирск: Историческое наследие Сибири, 2009. 784 с.
41. Дробченко В.А. Общественно-политическая жизнь Томской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 г.). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2010. 550 с.
42. Дементьев А.П. Некоторые аспекты образования советов крестьянских депутатов в Енисейской губернии в 1917–1918 гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. №4. Владивосток, 2013. С. 27–33.
43. Губернский съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов // Рабоче-крестьянская газета. Красноярск. 1918. 7 марта.
44. Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: Рос. полит. энциклопедия, 1997. 376 с.
45. Иванцова Н.Ф. Западно-сибирское крестьянство в 1917 – первой половине 1918 гг. М.: Прометей, 1993. 352 с.
46. Дементьев А.П. Общественно-политическая жизнь в Енисейской губернии (март 1917 – ноябрь 1918 гг.): Дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2014. 320 с.

47. Кордонский Г.А. Установление Советской власти в сельской местности Западной Сибири (декабрь 1917 – июнь 1918 г.) // Проблемы истории Октябрьской революции и Гражданской войны в СССР. Томск, 1975. С. 261–269.
48. Монастырский Б. Сибирь – кормилица (работа продорганов) // Три года борьбы за диктатуру пролетариата (1917–1920). Омск, 1920. С. 70–75.
49. Дронин Г.Е. Продовольственная работа советов в Сибири в 1917–1918 гг. // Октябрь в Западной Сибири: Воспоминания участников Октябрьской революции в Сибири. Новосибирск, 1948. С. 138–160.
50. Зобачев И. Октябрь в алтайской деревне // Октябрь в Западной Сибири: Воспоминания участников Октябрьской революции в Сибири. Новосибирск, 1948. С. 124–137.
51. Из жизни Нарымского края // Знамя революции. Томск, 1918. 19 мая.
52. Ларьков Н.С. Начало Гражданской войны в Сибири: Армия и борьба за власть. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 252 с.
53. Красноярский совет. Март 1917 г. – июнь 1918 г. Протоколы и постановления съездов советов, пленумов, исполкома и отделов. Сборник документов. Красноярск: КГПИ, 1960. 582 с.
54. Журов Ю.В. Гражданская война в сибирской деревне. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1986. 197 с.

References

1. Goryushkin, L.M. (1976). Agrarnye otnosheniya v Sibiri perioda imperializma (1900–1917 gg.). Novosibirsk. (in Russ.).
2. Zinov'ev, V.P. (2007). Industrial'nye kadry staroj Sibiri. Tomsk. (in Russ.).
3. Goryushkin, L.M. (1975). Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri v 1917 godu: Spekurs dlya studentov-istorikov gumanitarnogo fakul'teta. Novosibirsk. (in Russ.).
4. Nagnibeda, V.Ya. (1917). Delegaty Tomskogo gubernskogo narodnogo sobraniya. *Golos svobody*. Tomsk. 13 May. (in Russ.).
5. Rezun, D.Ya., Shilovskij M.V. (2005). Sibir', konec XVI – nachalo XX veka: frontir v kontekste etnosocial'nyh i etnokul'turnyh processov. Novosibirsk. (in Russ.).
6. Yakimova T.V. (1979). Formirovanie politicheskikh nastroyenij krest'yanstva Zapadnoj Sibiri v 1917 g. *60 let Velikogo Oktyabrya i Sibiri'*, 29–33. (in Russ.).
7. Gorelov, Yu.P., Guseva, O.V., Eremin, I.A., & Rostov, N.D. (2014). Zapadnaya Sibir' v mirovyh voynah HKH veka. Barnaul. (1). (in Russ.).
8. Golovin, N.N. (1939). Voennye usiliya Rossii v mirovoj vojne. 1, Parizh. (in Russ.).
9. Shilovskij, M.V. (2015). Pervaya mirovaya vojna 1914–1918 godov i Sibir'. Novosibirsk. (in Russ.).
10. Kooperativam (1914). *Altajskij krest'yanin*, Barnaul, (35). (in Russ.).
11. Po gubernii (1917). *Utro Sibiri*. Tomsk. 19 March (in Russ.).
12. Korrespondenciya. *Krest'yanskij soyuz* (1917). Tomsk. 23 April. (in Russ.).
13. Po Sibiri (1917). *Zhizn' Altaya* Barnaul. 30 March. (in Russ.).
14. Goryushkin, L.M., Nozdrin, G.A., & Sagajdachnyj, A.N. (1987). Krest'yanskoe dvizhenie v Sibiri 1914–1917 g.: Hronika i istoriografiya. Novosibirsk. (In Russ.).
15. Korrespondencii (1917). *Krest'yanskij soyuz*, Tomsk. 7 May. (in Russ.).
16. Byulleten' Minusinskogo komiteta obshchestvennoj bezopasnosti (1917). *Svoboda i trud*. Minusinsk. 26 April. (in Russ.).
17. Chernyak, E.I. (2001). Revolyuciya v Sibiri: s"ezdy, konferencii i soveshchaniya obshchestvennyh ob"edinenij i organizacij (March 1917 – November 1918 goda). Tomsk. (in Russ.).
18. S"ezdy, konferencii i soveshchaniya social'no-klassovyh, politicheskikh, religioznyh, natsional'nyh organizacij v Akmolinskoy oblasti (mart 1917 – noyabr' 1918 g.) (1991). Tomsk. (in Russ.).
19. Nasha zhizn' (1917). *Zemlya i volya*. Novonikolaevsk. 18 March. (in Russ.).
20. Zykova, V.G. (1984). Krest'yanskije soyuzy v Sibiri v 1917 g. In *Iz istorii socialisticheskogo stroitel'stva v Sibiri*, Tomsk, 79–97. (in Russ.).
21. Gubernskij s"ezd krest'yanskikh deputatov Tomskoj gubernii, sostoyavshijsya v Tomske 14–22 September 1917 g. (1917). Tomsk. (in Russ.).
22. Gosudarstvennyj arhiv Krasnoyarskogo kraja (GAKK). F., R-258., Op., 1. D. 10; F., R-817, Op. 1, D. 29; F., R-893, Op., 2, D. 4. (in Russ.).
23. Po Sibiri. *Nash golos*. (1917). Krasnoyarsk. 25 July. (in Russ.).
24. Budite derevnyu (K vvedeniyu zemstva v Sibiri). *Put' naroda*. (1917). Tomsk. 20 August. (in Russ.).
25. Krutovskij, V.K. (1918). Oblastnoe obozrenie. In *Sibirskie zapiski*, Krasnoyarsk, 55–64. (in Russ.).
26. Babikova, E.N. (1980). Sibirskoe krest'yanstvo i vybory v zemstvo v 1917 g. In *Iz istorii social'no-ekonomicheskoy i politicheskoy zhizni Sibiri*. Tomsk, 98–116. (in Russ.).
27. Po Sibiri. *Krest'yanskaya gazeta*. (1917). Tobol'sk. 30 March. (in Russ.).
28. Ionov, D. (1917). Iz derevni. *Narodnye mysli*. Mariinsk (in Russ.).

29. K vzyskaniyu s pereselencheskogo naseleniya ssudnyh dolgov (1917). In *Golos svobody*. Tomsk. 18 October. (in Russ.).
30. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. 1791, Op. 2, D. 241. (in Russ.).
31. Shekshhev, A.P. (2010). Samosudy v enisejskoj derevne (1917–1920-e gg.). In *Sibirskij etnos: kul'tu-ra, tradicii, mental'nost'*, Krasnoyarsk, 176–193. (in Russ.).
32. Zemskaya kompaniya (1917). *Znamya truda*, Krasnoyarsk. 21 September. (in Russ.).
33. V Romanovskoj volosti (1917). *Krest'yanskij soyuz*, Tomsk. 7 May. (in Russ.).
34. Shekshhev, A.P. (2016). Samogonovarenie, potreblenie alkogolya i bor'ba s nimi v enisejskoj derevne (1917–1930 gg.). 1. *Izvestiya Laboratorii drevnih tekhnologij*, (3(20)), 119–134. (in Russ.).
35. Po svobodnoj Sibiri (1917). *Sibirskaya zhizn'*. Tomsk. 16 July. (in Russ.).
36. Bozhenko, L.I. (1975). O prodovol'stvennom polozhenii v Zapadnoj Sibiri nakanune socialistiche-skoj revolyucii. In *Problemy istorii Oktyabr'skoj revolyucii i Grazhdanskoj vojny v SSSR*. Tomsk, 122–137. (in Russ.).
37. Golod i... samogonka (1917). *Golos svobody* Tomsk. 11 December. (in Russ.).
38. Adrianov, A.V. (1917). Iz Uryanhajnskogo kraja v Tomsk: (Putevye vpechatleniya). *Sibirskaya zhizn'*. Tomsk. 15, 18 January. (in Russ.).
39. Kosykh, E.N. (1991). S"ezdy, konferencii i soveshchaniya social'no-klassovyh, politicheskikh, religioznyh, naci-onal'nyh organizacij v Enisejskoj gubernii (March 1917 – November 1918 g.). Tomsk. (in Russ.).
40. Istoricheskaya enciklopediya Sibiri (2009). Novosibirsk. (in Russ.).
41. Drobchenko, V.A. (2010). Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' Tomskoj gubernii (March 1917 – November 1918 g.). Tomsk. (in Russ.).
42. Dement'ev, A.P. (2013). Nekotorye aspekty obrazovaniya sovetov krest'yanskih deputatov v Enisejskoj gubernii v 1917–1918 gg. In *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*, (4), 27–33. (in Russ.).
43. Gubernskij s"ezd sovetov rabochih, soldatskih i krest'yanskih deputatov (1918). In *Raboche-krest'yanskaya gazeta*, Krasnoyarsk. 7 March. (in Russ.).
44. Buldakov, V.P. (1997). Krasnaya smuta. Priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya. Moscow. (in Russ.).
45. Ivancova, N.F. (1993). Zapadno-sibirskoe krest'yanstvo v 1917 – pervoj polovine 1918 gg. Moscow. (in Russ.).
46. Dement'ev, A.P. (2014). Obshchestvenno-politicheskaya zhizn' v Enisejskoj gubernii (March 1917 – January 1918 gg.): Dis. ... kand. ist. nauk. Krasnoyarsk. (in Russ.).
47. Kordonskij, G.A. (1975). Ustanovlenie Sovetskoj vlasti v sel'skoj mestnosti Zapadnoj Sibiri (dekabr' 1917 – iyun' 1918 g.). In *Problemy istorii Oktyabr'skoj revolyucii i Grazhdanskoj vojny v SSSR*, 261–269. (in Russ.).
48. Monastyrskij, B. (1920) Sibir' – kormilica (rabota prodorganov). In *Tri goda bor'by za diktaturu proletariata (1917–1920)*, 70–75. (in Russ.).
49. Dronin, G.E. (1948). Prodovol'stvennaya rabota sovetov v Sibiri v 1917–1918 gg. In *Oktyabr' v Zapadnoj Sibiri: Vospominaniya uchastnikov Oktyabr'skoj revolyucii v Sibiri*, Novosibirsk, 138–160. (in Russ.).
50. Zobachev, I. (1948). Oktyabr' v altajskoj derevne. In *Oktyabr' v Zapadnoj Sibiri: Vospominaniya uchastnikov Oktyabr'skoj revolyucii v Sibiri*, 124–137. (in Russ.).
51. Iz zhizni Narymskogo kraja (1917). *Znamya revolyucii*. Tomsk. 19 May. (in Russ.).
52. Lar'kov, N.S. (1995). Nachalo Grazhdanskoj vojny v Sibiri: Armiya i bor'ba za vlast'. Tomsk. (in Russ.).
53. Krasnoyarskij sovet (1960). Mart 1917 g. – iyun' 1918 g. Protokoly i postanovlenie s"ezdov sovetov, plenumov, ispolkoma i otdelov. In *Sbornik dokumentov*, Krasnoyarsk. (in Russ.).
54. Zhurov, Yu.V. (1986). Grazhdanskaya vojna v sibirskoj derevne. Krasnoyarsk. (in Russ.).

дата поступления: 18.01.2022

дата принятия: 12.03. 2022

© Дементьев А.П., Дробченко В.А., 2022